

«СИРОККО»

Они сидели в тесном помещении подпольного ресторанчика «Матрёшка» на краю города, где по-тихому продолжалась нормальная жизнь с пепельницами на столах, бильярдной, игрой в покер и очень приличной кухней.

Марина отмечала своё 40-летие в компании близких подруг. Все они уже сильно поднабрались, когда принесли запечённого гуся на большом блюде.

Старшая из всех — Кира, взглянув на бейджик с именем официантки, сказала:

— Наташенька, детка, если позволите, мы уж как-нибудь сами управимся, — и забрала из её рук нож.

Она мелко трижды перекрестила гуся и потом неожиданно ловко разделила его на порционные куски. Марине подумалось, что, будь гусь жив, она, не задумываясь, проделала бы то же самое.

— Я никогда отсюда не уеду, — говорила Кира в продолжение разговора. — На чужбине затоскую. И трудно здесь, и тяжело, а не променяю ни на что. Помните, как у Ахматовой: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был».

— А я бы уехала, если б деньги были. И никакой ностальгии. А ты знаешь, что у нас пособие на ребёнка 700 р., словно он хомячок? Ну, у тебя-то детей нет, — и Марина встряхнула непокорными рыжими волосами.

— Государство — это одно, а Родина — другое. Я вот без Родины жить не смогу, — Кира закурила.

— А я — смогу, — с вызовом сказала Марина.

— Я в прошлые-то времена, когда у нас ещё была великая страна, весь мир объездила. Где я только с командировками не была! Но скажу — лучше наших просторов нет ничего на свете!

— Чтобы в командировку отправили, надо всё время ходить и просить. Так что я всегда езжу на «свои», а посему, где я только не была — и в Париже не была, и в Лондоне, и в Брюсселе, и в Нью-Йорке, — голос Марины прыгал, почти срываясь. — А мне 40 лет!!! Ты понимаешь, что полжизни прошло, а я ничего не видела, кроме этих пустых полей? Мне Леонардо и Микеланджело как воздух нужны. Именно мне...

— Никто не спорит, что эпоха Возрождения дала Европе великие имена, но у нас Феофан Грек, Андрей Рублёв. Ты вот поезжай в Троице-Сергиеву Лавру. Там даже дышится по-другому. Я, например, равнодушна к латинской культуре. Меня католические храмы, конечно, впечатляют, но души не затрагивают. Не говоря уже о том, что западные люди застёгнуты на все пуговицы. Даже те, с кем ты, казалось бы, дружишь. А у нас в поезде дальнего следования какие беседы иной раз случаются между попутчиками, словно они знают друг друга всю жизнь. Это дорогого стоит. Это наша православная душа такова! Не зря Достоевский сказал: «Широк русский человек»...

— Откровенность с первым встречным, панибратство, все эти уменьшительные Машки, Ленки. А на самом деле — народ наш хитрый и равнодушный. Помирай на дороге — никто и не глянет. Никому ни до кого дела нет. Так что весь этот пьяный бред в поезде гроша ломаного не стоит. А адюльтеры в тех же самых поездах? Даже самый интеллигентный человек нет-нет, да переспит с кем-нибудь по дороге. И на фоне этой, очень относительной морали — абсолютно искренняя любовь к монастырям и святым местам. Всё в кучу в русской голове — вера и суеверие, коммунистическая утопия и социалистический оптимизм. Вот ты где работала в 80-х? В газете «Правда», органе коммунистической партии? И партбилет имеется? А гуся сегодня перекрестила! — глаза Марины сверкнули недобрым огнем.

Над столом повисла тишина.

Кира растерялась, лицо её как-то внезапно осунулось.

Марина почувствовала, что сделала что-то недозволенное, против правил. Ей стало больно и стыдно, и так жаль — и Кирку, объехавшую полсвета, а, в сущности, одинокую женщину, и себя...

И она вдруг разрыдалась.

Она плакала о летящих фресках Джотто, прозрачных мадоннах Филиппо Липпи, о сирокко, — обо всём, чего не случилось в ее жизни.

— Это несправедливо! Несправедливо! — твердила она.

Кира подсела к ней и прижала её мокрое лицо к своей груди. Она гладила её по волосам и повторяла: Ничего, всё ещё образуется! Обязательно образуется!

ЗА ТЕМИ ДАЛЯМИ...

В лаборатории трудились трое. Один руководил, другой ему подчинялся, а третий ничего не делал, но его по непонятным причинам любили бабы.

Начальник говаривал: Ты, Витёк, с баб деньги бери или продуктами. Вот когда наш бизнес прогорит, а прогорит он обязательно, мы через твоих баб прокормимся. Витёк только ухмылялся. Он был себе на уме. И никого своим телом кормить не собирался.

Тем временем лаборатория и впрямь загнулась. Для закрепления результата решили её сжечь. Пришёл полицейский, закурил от пепелища и сказал, печально глядя на мерцающие огоньки: Значит, покидаете нас?

— А куда идти-то? — резонно заметил Витёк. — Пришли уж.

И то было правдой. Дальше стеной стоял непролазный лес, за которым, по слухам, жили китайцы. Но все, кто решал это проверить, больше не возвращались.

Жизнь в Клещеево давно вернулась к истокам. Ягод и грибов — полный лес. Дичь сама в руки бросается. Вместо воды — самогон. Деньги без надобности. Единственное, что оставалось в цене — плотские утехы.

А вот утешиться в Клещеево особенно было нечем. Потому что баба приличная была только одна — Нинка.

Глаза огромные как две вишнёвые пуговицы, русые волосы клином, а шея — белая-белая, влекущая. Потому, наверное, её дважды задушить и пытались, но, слава богу, всё обошлось.

Сколько за неё мужики ни бились, а выбрала она, в конце концов, Витька — бездельника, каких и в Клещеево было не сыскать. Он даже по грибы не ходил. Но с тех пор, как завёл Нинку, ни в чём нужды не знал. А её за глаза прозвали «Скатерть-самобранка».

И вот, уже после того, как сгорела лаборатория, и они с Витьком зажили «одним домом», сидели они как-то на крыльце под вечер, и вдруг Нинка говорит:

— Знаешь, Вить, вот живу я, живу, и всё думаю — а неужели это всё, что мне на роду написано? Клещеево это — три избы в два ряда... Перспектив нет, Виитяя! — протянула она.

— Да уж, какие перспективы, — согласился он. — Ещё лет 40 промаемся — и в ящик!

Но Нинка была не из таковых и раньше времени сдаваться не собиралась.

— Вить, а пойдём к китайцам? — посмотрев на него ясным взглядом, сказала она, — Терять-то всё равно нечего.

— — — — —

Двинулись в День Конституции, чтобы ознаменовать, так сказать.

Навстречу им попало несколько старух на костылях.

— Гиблое место, — сплюнул в каменную землю Витёк.

На опушке присели на корягу бросить взгляд на прошлое.

Помолчали без мысли, без сожаления, ощущая пустоту в области груди.

— Лучше пусть волки по дороге съедят, чем так, — не оформив мысль до конца, сказал Витя.

Нинка прильнула к нему полной грудью, но задерживаться было не время.

Шли они долго. Проламывались через буераки, ночевали в оврагах, ели что попало, мёрзли, мокли, вынимали друг у друга занозы, прижи-

гали укусы, бинтовали ноги. Глупостям не предавались. Нинка даже замотала свою белую шею от греха.

Но вот однажды, жарким летним днём, когда в лесу было душно от тесной листвы и высоких трав, они заметили впереди просвет, и скоро оказались на краю широкого поля.

— Вроде не рис, — констатировал Витёк.

— Тянь-шань? — из ниоткуда вырос человек в ковбойской шляпе.

— Ну, допустим, — неопределённо ответил Витёк.

— Тогда пошли, — сказал тот по-русски.

«Свои» — пронеслось пулей в голове.

Они вышли к длинному, стоящему под навесом столу, за которым сидели мужики.

— Ну, люди добрые — кто такие? Откуда вас нелегкая принесла? — радушно осведомился тот, что был в шляпе.

— Из Гнилого мы, — соврал Витёк.

— Мы здесь все из Гнилого, — сострил ковбой, и мужики заржали.

— — — — —

И точно — приглядевшись, Нинка узнала Петьку Рябова, работавшего в Клещеево на приёме стеклотары, рядом с ним сидел Ванька-Звонарь (часовщик и дебошир), при внимательном рассмотрении одним из мужиков оказалась продавщица из сельпо Светка, пропавшая в прошлом году...

Взгляд Нинки упал на «мухоморного» деда, и тут она обомлела — деда того они по весне благополучно схоронили на Клещевском кладбище, а сейчас он, как ни в чём не бывало, с хрустом заедал самогон спелым яблоком.

— Да чего набросились-то, — перебил ее шальные мысли бывший директор клуба Куролесов, — все мы здесь земляки! — и он подмигнув вновь прибывшим некогда выбитым, а теперь вполне здоровым глазом.

Кто-то принёс чистую одежду, и за бытовым вагончиком они ополоснулись и переоделись.

Их усадили за стол, и с дальнего конца передали мясо, картошку, зелёный лук и доверху наполненные жестяные кружки.

Спустился сиреневый, тёплый, благоухающий травами вечер. Громко стрекотали кузнечики, предвещая на завтра погожий день.

Мужики, переговариваясь, дымили махоркой. Виктор крепко спал, положив голову на руки.

Рідна мати моя ты ночей не доспала
Ти водила мене у поля край села
І в дорогу далеку ты мене на зорі проводжала
І рушник вишиваний на щастя дала... — пела раскрасневшаяся счастливая Нина, и ей подпевал, покачивая своей седой головой, «мухоморный» дед.

ВСЁ ВПЕРЕДИ

Они жили в одном дворе. Олечка всё время хотела быть снежинкой и беспрестанно кружилась. Танька делала колесо и садилась на шпагат в самых неподходящих ситуациях. Блёклый Вадик играл в гестапо, вешая мышат на бельевой верёвке. Слава занимался большим теннисом. Света — с 9 лет красила губы.

Олечка — стала балериной, Танька вышла замуж за хоккеиста, Вадик возглавил ОПГ, Слава стал дипломатом, Света пошла по кривой дорожке. И только из Наташи ничего не получилось.

Ещё, когда они всем двором хоронили убиенных мышат, предвзвременно избив садиста Вадика, ей не нашлось применения. Все что-то держали — микро-веночки, крестики, спичечные коробки, обёрнутые фольгой на манер гробиков, и только ей ничего не досталось. Ей даже Вадика пнуть не дали. И она стояла, чувствуя свою полную никчёмность.

Часто, сидя дома у окна, Наташа ждала, когда же начнётся жизнь. о проходил день, месяц, год, — и ничего не происходило.

— Как вернёшься из школы, (да не задерживайся, сразу — домой!) поешь — и ложись, отдохни, — наказывала мама утром.

— Засыпать нужно не позже 22 часов, иначе завтра встать не сможешь, — произносила она свой приговор вечером.

— У нас в семье никто не курит! — любила она ввернуть, когда приходили гости.

— И не пьёт! — вторил ей отец.

Наташа не ходила в кружки (чтобы не переутомиться).

— Тебе это не нужно, — диагностировала мама.

А папа ничего не говорил, потому что чаще всего был в отъезде, командировке, на лекциях, секциях, библиотеках, симпозиумах и ещё неизвестно где.

А однажды Наташа услышала загадочную фразу, произнесённую им за закрытой дверью кухни:

— Да видал я это всё в гробу!

«Вставай, проклятьем заклеймённый, весь мир голодных и рабов!» — возопил он диким голосом.

— С ума сошёл! — зашипела мама, — Два часа ночи, соседи милицию вызовут!

И тут распахнулась дверь — и ворвалась Наташка, в трусах и футболке, всклокоченная со сна, похожая на большую белую Йети. Встав с отцом плечом к плечу, она подхватила: «Вееесь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем!»

Это был их звёздный час!

Но жизнь вернулась в старое русло, и всё пошло своим чередом.

Кружок танцев так и остался мечтой (нечего ерундой заниматься), за ним была забракована идея поступления в художественный лицей (рисуй для себя, никто же не запрещает!), гимнастика (калекой хочешь стать?).

Наташа не перечила. Она была воспитанной девочкой.

Но всё-таки одну мыслишку затаила. Театр. Или сейчас или никогда.

«Ну, а вдруг?» — размышляла она, лёжа в своей кровати и наблюдая, как свет от фар чертит полосы по потолку. «Всего-то — выучить стих, басню и отрывок — неужто не смогу?»

— Ты что думаешь, там только тебя и ждали? Да там все блатные! Актёрские дети! А ты с улицы хочешь прийти?! — забивала мама гвозди в последнюю Наташкину мечту.

— Ты лучше чаще в театр ходи. Вон сколько интересных постановок в этом сезоне! Но всё время играть других людей, плакать, улыбаться в угоду режиссёру — гадость какая! Собачья у артистов жизнь!

— — — — —

Время летело быстро. Наташка закончила библиотечный институт, в котором её научили заполнять формуляры — небольшие карточки, на которых она аккуратным круглым почерком выводила автора и название книги, год и место её издания и зачем-то количество страниц, и расставлять их в ящички алфавитного, тематического и предметного каталогов. Наташа была тихой и скромной, и её предпочитали использовать во внутренних фондах, в зале же, на выдаче книг — тех, кто побойчее.

Работала она до четырёх. «Сразу домой, не задерживайся! Придёшь, пообедаешь — и сразу ложись, отдохни!» — говорила мама, провожая её утром на работу и закрывая за ней дверь.

Наташа приходила, обедала и ложилась.

Времена года сменяли друг друга. Пришла зима.

Танька сбежала от своего канадца и вернулась с ребёнком домой. Олечка вышла на раннюю балетную пенсию и наслаждалась свободой. Славик был на недоступной простым смертным дипломатической высоте. Светка ударилась в религию после столь насыщенной юности. Вадик, по слухам, очередной раз вышел из тюрьмы. Жизнь была ключом.

А Наташка отмечала своё 40-летие.

Они с мамой накрыли стол на кухне. Наташка откупорила бутылку игристого, разложила салат оливье, красную рыбку. За окном тихо падал снег.

— Я хочу поздравить тебя с Днём рождения, дочь! — сказала мама, подняв бокал. — Прекрасный возраст! У тебя всё впереди!

Потом мама долго и шумно говорила. В основном о себе. Когда она начинала вспоминать юность, Наташа переставала её слушать. Она смотрела, как медленно кружатся снежинки, а до неё глухо долетали имена маминых одноклассников, однокурсников, учителей, названия несуществующих ныне улиц... И всё это было так далеко и нереально, как татаро-монгольское иго.

Когда пробило десять, они поднялись из-за стола. Мама сказала: «Пора ложиться!»

Они разошлись по комнатам.

Не зажигая света, Наташа нашарила среди книг пачку сигарет, накинула на голову капюшон толстовки и, стараясь произвести как можно меньше шума, выскользнула на балкон.

Она курила, облокотившись на припорошенные тающим снегом перила. Дым уютно клубился и растворялся в снежных хлопьях. «Всё впереди», — крутилось у неё в голове, «всё впереди»...